

14. **Омельченко Ю.** Прадед Ленина торговал водкой, а дед спас от смерти Тараса Шевченко... // Сегодня, 22 апреля 2002 г., № 89 (1138).

15. **Петров Н.И.** Историко-топографический очерк древнего Киева. // Н.И. Петров / – К., 1897.

16. **Рабинович Я.Й.** На зламі віків // Я.Й. Рабинович / До 1000-річчя проживання євреїв в Україні. – Київ, 1998.

17. **Силенко Лев.** Мага віра (Рідна Українська Національна Віра). Святе письмо: Велике світло волі: Співвідношення віри, науки, філософії, історії. // Лев Силенко / – К.: АТ «Обереги», 1998.

18. **Соловьев С.М.** Сочинения. Книга I. История России с древнейших времен. Тома 1-2. // С.М. Соловьев / – М., «Мысль», 1988.

19. **Стеблин-Каменский М.И.** Культура Исландии. // М. И. Стеблин-Каменский / – Л., 1967.

20. **Татищев В.Н.** История Российская с древнейших времен. Т.2. // В.Н. Татищев / – М.:2002, с. 213.

21. **Шестопа́л Матвій.** Євреї на Україні (Історична довідка). // Матвій Шестопа́л / – К.: Оріяни, 1999.

УДК 172.1:372.7

Д. И. Кирюхин

КОНТРАКТУАЛИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Контрактualістська традиція була однією з теоретичних передумов ліберального дискурсу справедливості і продовжує суттєво впливати на його сучасний розвиток. Праця Ролза «Теорія справедливості» актуалізувала кантівський (що є етично орієнтованим) варіант контрактualізму на протигагу утилітаризму, до якого є близьким Гобс.

Ключові слова: суспільний договір, справедливість, контрактualізм, Кант, Гобс, Ролз.

Контрактualистская традиция была одной из теоретических предпосылок либерального дискурса справедливости и продолжает оказывать существенное влияние на его современное развитие. Работа Ролза «Теория справедливости» актуализировала кантовский (этически ориентированный) вариант контрактualизма в противовес утилитаризму, к которому близок Гоббс.

Ключевые слова: общественный договор, справедливость, контрактualизм, Кант, Гоббс, Ролз.

The contractarian tradition was one of the theoretical preconditions of liberal justice's discourse and continues to have a significant influence on its modern development. The Kantian version of contractarianism is ethically oriented contractarianism. It was actualized by work of John Rawls "A Theory of Justice" in counterbalance to utilitarianism which is closely connected to Hobbes.

Key words: social contract, justice, contractarianism, Kant, Hobbes, Rawls.

© Д. И. Кирюхин, 2012

Теория общественного договора — одна из наиболее влиятельных в социальной, этической и политической мысли. Сформированная еще в работах древнегреческих философов и получившая широкое распространение в работах политических и социальных теоретиков Нового времени, она и сегодня не утратила своих позиций. Достаточно указать на таких влиятельных мыслителей, как Б. Бэрри, Д. Готиер, Р. Нозик, Т. Сканлон, Дж. Хорсаньи, чьи концепции в той или иной степени развиваются на основе идеи общественного договора, чтобы продемонстрировать заметное присутствие контрактualистской традиции в современной этике и политической философии. Наконец, наиболее существенно в контексте данной работы то, что именно контрактualистская теория Дж. Ролза дала толчок для широкой дискуссии по проблеме справедливости, развернувшейся во второй половине XX ст. и в значительной мере продолжающейся и поныне.

Не вызывает сомнений тот факт, что вопрос о справедливости (вопрос о том, что такое справедливость и как возможно справедливое общество?) остается всегда актуальным. И дело тут не только в том, что справедливость является неким регулятивным идеалом,

полное воплощение которого в социальных практиках невозможно. Дело в трансформациях самих указанных практик, вследствие чего каждая эпоха по-своему тематизирует проблему справедливости. Особое значение проблема справедливости имеет для постсоветских обществ, которые отличают проходящие в них процессы трансформации правовых и политических институтов, социальных практик в целом и сопровождающие этот процесс высокий уровень дезинтеграции, аномия, значительное социально-экономическое расслоение. В таких условиях философская рефлексия на тему справедливости оказывается актуальной не только с теоретической точки зрения (принимая во внимание, во-первых, фактическое отсутствие на постсоветском пространстве политической философии и, во-вторых, потребность в адекватном теоретическом инструментарии для осмысления по-своему уникального опыта преобразований, происходящих в постсоветских обществах), но и с практической, коль скоро заявленные трансформации оцениваются нами с точки зрения того, в какой мере они способствуют установлению справедливого общества.

Развитие теории справедливости сегодня с необходимостью предполагает в том числе и осмысление предпосылок дискурса о справедливости в современной политической философии, в рамках которого выделяются две парадигмы — универсалистская (ее представляют Р. Дворкин, Р. Нозик, Дж. Ролз, Дж. Рац) и контекстуалистская (речь идет о таких философах, как А. Макинтайр, М. Сендел, Ч. Тейлор, М. Уолцер). Теории общественного договора, развивавшиеся представителями философии Нового времени, прежде всего Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж.-Ж. Руссо, равно как и философия И. Канта, оказали самое непосредственное влияние на универсалистские теории. Прояснение характера этого влияния и составляет задачу настоящей работы.

Литература, посвященная идее общественного договора, достаточно обширна. Из наиболее интересных западных исследователей этой темы можно назвать Д. Боучера, Б. Бэрри, П. Келли, М. Лессноффа, В. Кимлику, Т. Нагеля, О. О'Нэйл и, без сомнения, Д. Хамптон. В отечественной философской традиции идея общественного договора оказывается в центре внимания преимущественно историков философии и права и этиков (Р. Г. Апресян, И. С. Нарский, В. В. Соколов). Однако в последние годы в российской и украинской философии все чаще появляются работы, в которых контрактуалистская традиция рассматривается как элемент социальной и политической теории. Речь, в частности, идет о работах Б. Кашникова, Н. Литвиненко, Л. Ситниченко, Н. Спасенко, М. Тура. Тем не менее, исследования контрактуалистской традиции как составляющей теории справедливости не проводились или, если говорить о работах Н. Литвиненко и Н. Спасенко, проводились только лишь в контексте изучения философии Дж. Ролза. Настоящая же работа направлена на восполнение существующего теоретического пробела.

Прежде всего следует принять во внимание, что в истории философии нет единой контрактуалистской традиции. Так, еще софисты и атомисты рассматривали справедливость как результат общественного договора. Однако и в Средние века, и в Новое время, равно как и в современной политической философии, формируются теории общественного договора, не являющиеся напрямую развитием античного контрактуализма.

Исследование, проведенное Д. Боучером и П. Келли [15, р.2-14], демонстрирует, что можно выделить ряд традиций в рамках контрактуализма, которые различаются как в отношении того, кто рассматривается в качестве субъекта договора (индивиды, группы, корпорации), так и того, с кем заключается договор (другие люди, Бог, верховный правитель), и, наконец, того, что выступает основным мотивом его заключения — а это может быть либо исполнение религиозного долга, стремление обеспечить личную безопасность или экономическую защиту. Соответственно, и сам договор может рассматриваться или как исторический, или как идеальный, или как гипотетический.

Существует несколько вариантов классификации договорных доктрин. К примеру, можно вспомнить классификации Дж. Хемптона, который разделяет договорные доктрины на основании критерия легитимации различных типов власти, или М. Форсайта, различающего доктрины, в которых приоритетными объектами договора являются политические институты, и те, где речь идет о контрактуалистской основе моральных законов. Однако одной из наиболее точных классификаций представляется та, которую проводят Боучер и Келли, выделяющие моральный, гражданский и конституционный контрактуализм (или, если быть более точным, — контрактуалистские традиции). Как отмечают Боучер и Келли, моральный контрактуализм (представлен работами Д. Готиера, Дж. Маски, Дж. Хорсаньи) обосновывает моральные принципы, которым индивиды соглашаются подчинять свое поведение ради максимизации блага. Гражданский контрактуализм рассматривает социальный договор (безотносительно, идет ли речь об историческом или гипотетическом договоре) как способ легитимации политических

институтов, а сам договор тут — естественный результат рациональной природы человека. В рамках этой традиции разработаны теории Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И.Канта, Дж. Ролза, Р. Нозика. Наконец, конституционный контрактualизм ведет свою традицию из римского права и феодальных договоров между сюзереном и вассалами. Это юридический договор (речь идет о так называемом синаллагматическом договоре, т. е. двустороннем межличностном соглашении) двух субъектов — правителя и управляемого, иными словами, это договор о верховном сюзерене. Наиболее ярко данная традиция представлена в работах Фомы Аквинского, Марсилиа Падуанского, Николая Кузанского, а затем находит свое продолжение у томистов и гугенотов.

Поскольку в целом теории общественного договора не являются основным предметом нашего исследования, мы в данном случае считаем необходимым сконцентрировать свое внимание на традиции, оказавшей наиболее существенное влияние на современную политическую философию, т. е., по классификации Боучера и Келли, на традиции гражданского контрактualизма.

Возникновение этой традиции связано с именем Т. Гоббса, чье учение и сегодня продолжает оказывать существенное влияние на политическую теорию и этику. Под непосредственным влиянием Т. Гоббса была написана книга «Мораль по соглашению», автор которой — Д. Готиер — предложил свою версию контрактualистской теории справедливости, во многом критичную по отношению к Дж. Ролзу. И именно Готиер, в частности, точно подмечает [11], что концепт социальных отношений как отношений договорных лежит в основе идеологии (добавим от себя, идеологии, которая на протяжении длительного времени была определяющей для социально-политической практики) западного общества, как оно сформировалось в Новое время, начиная с учения Т. Гоббса. А вот один из наиболее влиятельных политических философов, развивавший теорию справедливости на контрактualистской основе, Дж. Ролз не называет Гоббса в качестве своего теоретического предшественника. Поясняя замысел работы «Теория справедливости», он отмечает: «Что я пытался сделать, так это обобщить и поднять на более высокий уровень абстракции традиционную теорию общественного договора, которая была сформулирована Локком, Руссо и Кантом» [14, р.ХVIII]. И это не случайно, учитывая различие между учениями Гоббса и, к примеру, Локка или Канта. Принимая во внимание это обстоятельство, ряд современных исследователей (Б. Бэрри, А. Добриджевич, Т. Сканлон) предлагают различать «контрактарианизм» и «контрактualизм». Первый связывается ими с учением Т. Гоббса, а второй — И. Канта. Различие между контрактарианизмом и контрактualизмом, как указывает А. Добриджевич, состоит в особенностях антропологического учения обоих мыслителей [10]². Речь, в частности, идет о том, что для Канта личность всегда этически нагружена, в то время как Гоббс рассматривает человека через призму его страстей и интересов. Не случайно, что у Д. Готиера (который называет Гоббса «истинным предшественником» своей моральной теории) общество выступает как «кооперативное предприятие по достижению сугубо индивидуалистических целей» [5, с.129]. А развивающий идеи Канта Т. Сканлон, наоборот, противопоставляет эгоистическим интересам убеждения как основу для соглашения. Разница между двумя традициями иллюстрируется высказыванием Готиера, который замечает: «Прежде чем перейти к тому, “какие у нас обязанности по отношению друг к другу”, было бы лучше сосредоточить внимание на том, что мы можем получить в сотрудничестве друг с другом» [12, р.168].

Указанное различие между традициями в теории общественного договора представляется существенным, хотя и не всегда его можно столь уж последовательно провести. Поэтому, чтобы избежать слухастичности, мы в данном случае не будем, в отличие от того, как это делает Добриджевич, закреплять это различие на терминологическом уровне, чтобы, к примеру, не решать проблему «классификаций» различных вариантов контрактualистских теорий.

Теория общественного договора Т.Гоббса предлагает способ обоснования и метод дальнейшей трансформации нового социального порядка исходя из *частного* экономического интереса³. Приоритет частного выразился, кроме прочего, в том, что для Гоббса было крайне важным преодолеть аристотелевское представление, нашедшее свое развитие и у Фомы Аквинского, о *telos*'е политического развития как достижении определенной суммы благ, *telos*'е, который является объединяющим для всех частных интересов и в этом отношении превосходящим их. В противовес этому установлению общих целей Гоббс пишет о единственной цели,

2 В свою очередь С.Фримен, говоря о двух вариантах теории общественного договора, различает теории, которые исходят из индивидуального интереса (*interest-base*), например, представление об общественном договоре Гоббса, и те теории, которые исходят из идеи права (*right-base*), как это мы находим у Канта и Ролза [13, р. 17-19].

3 На это обстоятельство в философии Гоббса обращает внимание, ссылаясь, в свою очередь, на Н.Боббио, О.Хархордин [7, с. 274-275].

достойной объединять индивидов, выражающейся в установлении и поддержании закона и социальной стабильности. Он, как сказал бы канадский политический философ К. Б. Макферсон, «удовлетворяется индивидами». В центре внимания английского мыслителя вопрос о правильном устройстве общества, члены которого изначально представляют собой не аристотелевское *zoon politicon*, а, скорее, эпикуровские *atom`ы*⁴ (или даже скорее *animal agens*). Данное сравнение — метафора, позволяющая, как представляется, лишь более точно очертить принципы политической онтологии и антропологии Т. Гоббса, но не претендующая на установление четкой линейной зависимости между натурфилософией и политической философией, независимость развития и трансформации которых подчеркивал, в частности, М. Ридель. Тем не менее, сам Гоббс в часто повторяемом в различных своих работах сравнении политического и человеческого тела, как, например, в «Левиафане», где верховная власть сравнивается с искусственной душой, правительство и исполнительные службы — с суставами, согласие — со здоровьем и т. д., дает основание для проведения параллелей между философией природы и философией общества. В основе указанной параллели лежит учение английского мыслителя о природе человека, которое, собственно, и обусловило его понимание контрактуалистского происхождения политической сферы.

В отличие от Канта, Гоббс не предлагает этического ориентира, которым должно руководствоваться общество в своем развитии. Он лишь рассматривает условия, при которых индивиды, ориентированные на собственные потребности, могут сосуществовать, реализуя данные интересы, и находит в качестве важнейшего условия для этого гражданское состояние. Гражданское состояние противостоит естественному, при котором удовлетворение потребностей (равно как и физическое существование) индивидов находится под угрозой, поскольку все обладают неограниченным правом на все, а значит — всегда сохраняется вероятность конфликта.

Выразитель духа своей эпохи, Гоббс даже не допускает мысли о существовании некоего трансцендентного основания (такого, например, как божественная воля) политической сферы. Основанием для гражданского состояния является сама человеческая природа⁵, которая побуждает индивида заботиться об удовлетворении собственных потребностей и стремиться к самосохранению. Иными словами, польза и страх обуславливают необходимость формирования законов и власти, которые дают индивиду гарантии для его собственности и благожелательного по отношению к нему поведения других индивидов.

Естественное же состояние описывается им как состояние одиночества, бедности и жестокости. Но в то же время это и состояние свободы и равенства (свободы, равенства и независимости, как подчеркивает Дж. Локк). Для Гоббса причина войны всех со всеми и основа договора одинаковы — природное равенство людей (выражающееся, отмечает М. Нуссбаум, как в равенстве возможностей, так и в равенстве надежд). Это изначальное равенство определяет логику и практику всей социальной и политической жизни (вспомним, что, согласно Гоббсу, если допустить, как это делает Аристотель, что люди от природы не равны между собой, то «необходимо для достижения мира между ними *считать их* (курсив наш. — Д.К.) равными» [1, с.311]).

Так же, как и общество, лишается у Гоббса трансцендентного (равно как и сакрального) основания и справедливость. О последней, утверждает английский мыслитель, можно говорить только применительно к соглашению («Несправедливость же есть нечто иное, как невыполнение договора. А все, что не несправедливо, справедливо» [2, с.110]) и, соответственно, сфера справедливости ограничена сферой гражданских отношений и тесно связана с удовлетворением потребностей. Тот факт, что, согласно Гоббсу, о справедливости можно говорить лишь в рамках гражданского общества, т. е. после того, как индивиды заключили между собой договор, отнюдь не означает, что английский мыслитель не придает ей существенного значения. Наоборот, именно система отношений, которая определяется принципами справедливости, формирует условия для преодоления одиночества и совместной экономической деятельности. Действительно, рассуждает Гоббс в «Левиафане», если бы справедливость была присуща человеку как некое его свойство, то она была бы присуща и индивиду, находящемуся в естественном состоянии, но, как мы знаем, это состояние характеризуется тем, что там каждый имеет право на все, что и порождает войну всех со всеми. При этом (тут проявляется коренное отличие гоббсова

4 Не случайно Л.Штраус отмечает близость демокритовско-эпикурейской физики и естественной философии Т.Гоббса [см.: 8, с.162]. В данном случае представляется уместным напомнить, что Эпикур был одним из тех представителей античной философии, кто развивал теорию общественного договора.

5 Сходной точки зрения в интерпретации учения Гоббса придерживается и К.Лаваль [см.: 3, с.143-146].

подхода от современных контрактуалистских теорий, таких, например, как теория Дж. Ролза или Т. Сканлона) Гоббс не рассматривает общественный договор как процедуру, позволяющую сформировать принципы справедливости. Политическое состояние, являющееся следствием договора, позволяет реализоваться естественному закону⁶, а значит, и формирует условия, при которых оказывается возможной справедливость как следование закону (Д. Юм назовет такие условия «обстоятельствами справедливости»). Справедливость, таким образом, выступает условием возможности реализации частных интересов (желаний) индивида в ходе социального взаимодействия.

Понимание личного интереса как фактора, побуждающего к созданию политического сообщества, и понимание справедливости как рационального предписания не наносит себе вреда и, соответственно, действовать в соответствии с такими принципами, чтобы взаимодействие с другими индивидами приносило максимальную пользу, делает Гоббса предшественником утилитаризма (вспомним, что И. Бентам рассматривает пользу как основание системы, направленной на достижение счастья с помощью разума и права, а для Дж. С. Милля «справедливость имеет своей основой пользу» [6, с.183]). Вот почему Ролз, развивавший свою теорию справедливости во многом за счет критики утилитаризма, и не причисляет Гоббса к своим предшественникам. Без сомнения, было бы ошибочно представлять Гоббса мыслителем, который определил появление утилитаризма в его классическом (бентамовском и миллевском) варианте, равно как было бы ошибочно утверждать, будто контрактуализм в принципе ведет к утилитаризму, ведь еще и до и независимо от Ролза появлялись попытки противопоставить контрактуализм утилитаризму (к примеру, тот же Т. Сканлон). Однако британский мыслитель, как уже указывалось, был выразителем духа своей эпохи, в которую как раз и совершался переход от «общества святых» к «обществу торговцев» (противопоставление, предложенное К. Лаваль), этикой которого на долгое время как раз и стал утилитаризм.

В отличие от современных контрактуалистских теорий, вопрос о справедливости не является одним из центральных для теорий общественного договора Нового времени, в фокусе внимания которых – проблемы обоснования политической власти, социальной консолидации и реализации индивидуального желания. Однако новоевропейские и современные теории общественного договора объединяет общая социальная онтология, в рамках которой общество (либо этико-правовые нормы, определяющие социальное сотрудничество) понимается как результат соглашения (гипотетического или квазиисторического) между свободными рационально действующими индивидами.

Так же и для Канта справедливость не была центральной темой в его этике, политической философии и философии права. Он, как и Гоббс, понимает справедливость не как трансцендентную идею, но как требование разума, приобретающее у него нормативный характер. Сходным образом и естественное состояние он понимает как состояние беззакония и несправедливости (*status iustitiae vacuus*). Путем же общественного договора конституируется состояние свободы — не как бесконтрольного следования инстинктам и желаниям (такая «свобода» для Канта как раз есть подлинная несвобода), а как руководство индивидом своей собственной законодательствующей волей (это свобода автономного индивида, который в правовом состоянии раскрывается как нравственная личность). Поэтому заключение договора рассматривается Кантом как долг, который налагается на нас чистым разумом, а *prioi* устанавливающим законы и при этом не принимающим в соображение ни одной из эмпирических целей, таких, например, как счастье индивида [4, с.78]. Гоббс так же определяет сферу политического как «царство разума» (*imperium rationis*), подчеркивая тем самым, что (справедливый) социальный порядок требует рационального обоснования. Однако Кант, настаивая на априорном характере принципов и норм, которые предписываются индивиду разумом, подчеркивает этическое измерение того социального и политического порядка, который возникает как результат общественного договора (последний выступает у кенигсбергского мыслителя в качестве регулятивной идеи, принципом легитимации политических институтов, а не, как у Гоббса, квазиисторическим событием). И основной целью политического для Канта является именно обеспечение свободы индивида, а не реализации его частного интереса.

Несвободные индивиды (идет ли это речь о политической несвободе, либо, в кантовском смысле, о несвободе как гетерономии воли) лишены возможности честно сформировать правила равенства, обеспечивающие возможность солидарного действия (вспомним, что для Руссо всегда справедливой является общая воля). Именно эта либеральная установка легла в основу работ Дж. Ролза, благодаря которым и возникла современная теория справедливости. В

6 Под естественным законом Гоббс понимает «найденное разумом (курсив наш. — Д.К.) предписание или общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что разрушительно для его жизни» [9, р. 116-117].

данном моменте Ролз наследует Канту. При этом сам Ролз в своей «Теории справедливости» (§40) подчеркивает, что для него наибольшее значение имеет не обоснование Кантом универсальности и всеобщности этических норм, но публичный характер этих норм и то, что, согласно Канту, «моральное законодательство должно быть согласовано в условиях, которые характеризуют людей как свободных и рациональных существ» [14, p.221]. Свою контрактуалистскую теорию Ролз представляет как развитие указанных кантовских идей. И хотя, как признается многими исследователями (например, уже упоминавшимся выше Добриджевичем), в своих поздних работах Ролз фактически отказывается от контрактуализма, предпочитая говорить о «кантовском конструктивизме» (сам Добриджевич предлагает взамен называть поздний вариант ролзовской теории «контрактуалистским конструктивизмом» [10, s.40], что представляется вполне обоснованным, принимая во внимание, к примеру, то, как Ролз интерпретирует формирование принципов глобальной справедливости в своей работе «Право народов»), тем не менее именно через его теорию кантовская контрактуалистская традиция нашла свое продолжение в современном дискурсе справедливости.

Таким образом, контрактуалистская традиция стояла у истоков либерального (универсалистского) дискурса справедливости и продолжает оказывать существенное влияние на его современное развитие. Как мы могли убедиться, философская антропология Гоббса, которая лежит в основе его теории общественного договора, оказывается близкой прежде всего классическим утилитаристским теориям справедливости. При этом первая системная критика утилитаризма (да и в значительной степени его преодоление, ведь влияние утилитаристской традиции сегодня значительно слабее, чем до Ролза) была связана с построением теории справедливости на основе кантовского варианта контрактуализма.

Сегодня мы противопоставляем работы Готтера, Дж. Бьюкенена и Ролза, Сканлона, как представляющих различные версии контрактуалистской этики и политической философии. Этот факт является свидетельством сохраняющегося влияния в этике и политической теории как гоббсовского, так и кантовского вариантов теории общественного договора. Как представляется, в рамках либеральной традиции тот или иной вариант контрактуализма с неизбежностью будет присутствовать, коль скоро либерализм, опирающийся на представление об автономии индивида, неизбежно сталкивается с проблемой обоснования происхождения социального.

Настоящее исследование влияния контрактуалистской традиции в теории справедливости представляет собой только первый общий подход к проблеме. В дальнейшем необходима детализация особенностей понимания справедливости в рамках контрактуализма, прояснение чего крайне важно, принимая во внимание критику универсализма со стороны контекстуализма.

Библиографические ссылки:

1. **Гоббс Т.** Основ философии часть вторая. О гражданине // Т. Гоббс / Соч. в 2-х тт. – Т.1. – М.: Мысль, 1989. – С.270-507
2. **Гоббс Т.** Левиафан // Т. Гоббс / Соч. в 2-х тт. – Т.2. – М.: Мысль, 1991. – 731с.
3. **Лаваль К.** Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. // К. Лаваль / – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 432 с.
4. **Кант И.** О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // И. Кант / Соч. в 6-ти тт. – Т.4., Ч.2. – М.: Мысль, 1965. – С.59-107
5. **Кашников Б.** Либеральные теории справедливости и политическая практика России. // Б. Кашников / – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. – 256 с.
6. **Милль Дж.С.** Утилитарианизм // Дж.С. Милль / Утилитарианизм. О свободе. – СПб.: Издание И.П.Перевозникова, 1900. – С.89-195
7. **Хархордин О.** Основные понятия российской политики. // О. Хархордин / – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.
8. **Штраус Л.** Естественное право и история. // Л. Штраус / – М.: Водолей Publishers, 2007. – 312 с.
9. **Hobbes Th.** Leviathan // The English Works of Thomas Hobbes. – vol.III. – London: John Bohn, 1739. – 714 p.
10. **Dobrijević A.** Kontraktualizam versus kontraktarijanizam // Filozofija i društvo. – №3. – 2011. – S.27-44
11. **Gauthier D.** The Social Contract as Ideology // Philosophy & Public Affairs. – 1977. – vol.6. – №2. – P.130-164
12. **Gauthier D.** Are We Moral Debtors? // Philosophy and Phenomenological Research. – 2003. – № 66 (1). – P.162-168
13. **Freeman S.** Justice and the Social Contract. Essays on Rawlsian Political Philosophy. – New York: Oxford University press, 2007. – 340 p.
14. **Rawls J.** Theory of Justice. Revised Edition. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard

УДК 321.01

О. Б. Киричок

СТАТУС МОВИ ПОЛІТИКИ В ІСТОРИКО-ФІЛОСОФСЬКОМУ ДОСЛІДЖЕННІ

Пропонується осмислення політичної мови як головної теми історії політичної філософії. Аналізується її посередницька роль між політичним відношенням і політичною взаємодією.

Ключові слова: політика, філософія, політична філософія, мова політики, політичне відношення, політична взаємодія.

Предлагается осмысление политического языка как главной темы истории политической философии. Анализируется ее посредническая роль между политическим отношением и политической взаимодействием.

Ключевые слова: политика, философия, политическая философия, язык политики, политическое отношение, политическое взаимодействие.

Proposed an understanding the political language as the main theme of the history of political philosophy. Analyzed its intermediary role between political attitude and political interaction.

Keywords: politics, philosophy, political philosophy, political language, political attitude, political interaction.

© О. Б. Киричок, 2012

Наш інтерес буде спрямовано на політичну мову. Ми спробуємо розглянути її можливості як головної теми політичної філософії, а також через спосіб її осягнення підійти до розкриття суті надзвичайно розмитого і заплутаного поняття – «політичного». Особливо помітною ця розмитість стає не тлі неспроможності так званого «класичного» підходу, за яким смисли політичного завжди апелюють до поняття «державна», політичним визнається тільки те, що належить до неї, а з цього, на додачу, ще й редукується те, що стосується державної влади. Проте ще Карл Шмітт, чи не найперший критик цього підходу, лаконічно і слушно зазначив: «Державна виявляється чимось політичним, а політичне чимось державним, і це коло у визначеннях явно незадовільне» [6, с. 35].

Спроба з'ясувати суть політичного «лінгвістичним» способом, виплутатися із ситуації, відтворивши первинну етимологію цього слова, вочевидь завершиться тим, що і тут ми не знайдемо прямого відсилання до поняття «державна». Відомо, що грецьке «πόλις», від якого походять слова «політика» і «політичне», – це не зовсім те, що ми звикли вважати державою. «Πόλις-ом» стародавні греки називали частину споруд на пагорбі разом із довколишніми будівлями та людьми, що в них проживали, «міською спільнотою», «сукупністю громадян» («πόλιςμα»). Відповідно певний спосіб організації цієї спільноти та право вільних громадян («πολίτης», іон. «πολιήτης») брати участь у цій організації означувались терміном «πολιτεία» (іон. «πολιτήη»), а процес управління даною спільнотою («πολιτική»), знання і вміння управляти позначались словом «πολιτικά». Незважаючи на достатню аморфність даних термінів і часте вживання їх як синонімів, незначна різниця між ними все ж таки існувала, про що свідчить, наприклад, відома цитата із Арістотеля: «τοῦ δὲ πολιτικοῦ καὶ τοῦ νομοθέτου πάσαν ὁρώμεν τὴν πραγματοειάν οὐσαν περὶ πόλιν, ἢ δὲ πολιτεία τῶν τὴν πόλιν οἰκούντων ἐστὶ τάξις τις. ἐπεὶ δ' ἡ πόλις τῶν συγκεϊμένων, καθάπερ ἄλλο τι τῶν ὅλων μὲν συνεστώτων δ' ἐκ πολλῶν μορίων, δῆλον ὅτι πρότερον ὁ πολίτης ζητητέος» («Вся діяльність політика і законодавця спрямована виключно на *поліс*, а *устрій* є відома організація жителів *полісу*. Маючи на увазі, що *поліс* є дещо складене, подібне будь-якому цілому, але таке, що складається із багатьох частин, зрозуміло, що спочатку слід визначити, що таке *громадянин*» (Pol. 1274 b 35–40). Проте, якими б аморфними чи розмитими не були вищезгадані грецькі лексеми, у їх змісті і обсязі ми не віднайдемо ні «державного», ні тим більше «владного» розуміння політичного, а при певному зміщенні етимологічного локусу грецьке «πολιτικός» може бути витлумачене як «πολι» («множина») і «τικός» («інтерес»), що більшою мірою асоціюється із «анархічною» ідеєю «узгодження множини інтересів», ніж з «державницьким» розумінням людського співжиття.